Базар и вещи. Репрезентации товарно-вещевых рынков в перспективе материалистического поворота[1]

Иван ПЕШКОВ

Специфика исследования товарно-вещевых рынков состоит одновременно в их близости и отдаленности по отношению к стандартным моделям экономического анализа. С одной стороны, товарно-вещевой рынок, как прототип базового экономического фрейма, навязывает целую серию экономических, онтологических и историософских перспектив. С другой – он постоянно отдаляется через временную, социальную или культурную дистанцию. Разные сочетания этих двух практик многие годы определяли базовые подходы к товарно-вещевым рынкам на неевропейском пространстве. Отмеченный Мишелем Каллоном перформативный характер экономического описания именно в случае исследований товарно-вещевых рынков показывает свою эпистемологическую силу: все попытки уйти от экономизма приводили к подтверждению ключевой роли экономического измерения социальной жизни базара. Существует ли возможность других, не сползающих в производство иллюстраций для адаптированных схем экономического взаимодействия? Есть ли возможность представить другую онтологическую картину мира, в которой разнообразные социоматериальные элементы жизни базара будут чем-то большим, чем просто иллюстрацией априорных экономических построений? Что будет, если вещам, объектам и инфраструктуре позволить «рассказать» о себе? И самое главное, к каким результатам могут привести попытки расширения исследовательского интереса на объекты, сети и разные формы мобильности?

Целью статьи является поиск ответа на эти вопросы через анализ применимости группы теорий материалистического поворота для исследования товарно-вещевых рынков, позволяющих по-новому взглянуть на дееспособность материальных объектов. Поворот к материальным аспектам социальных процессов во

---

[1] Журнальная версия статьи была опубликована в тематическом номере журнала «Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение», подготовленного в рамках Программы стратегического развития ИГУ на 2012–2016 гг. проекты Р222-МИ-003, Р222-ОУ-037 (Пешков И. О. Базар и вещи. Репрезентации товарно-вещевых рынков в перспективе материалистического поворота // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 180–194).

многом был обусловлен тремя направлениями в социальных науках: интересом к биографиям вещей и объектов; акторно-сетевой теорией и объектным сдвигом в экономической социологии. Все эти направления имеют родовую, хотя и очень разную по интенсивности, связь с социальной антропологией, с ее акцентом на полевых исследованиях и целенаправленными попытками избегать априорного теоретизирования. Следует заметить, что обращение к проблематике социальной дееспособности материальных объектов ставит исследователя перед необходимостью радикального переосмысления границ между «материальным» и «социальным». В этой перспективе «материальное» не является простым отражением социальных структур, но важным и дееспособным элементом социотехнической сети. Поворот к вещам дает возможность по-новому взглянуть на возможности описания ежедневного опыта, где предметы исполняют значительно более важную роль, чем это представлялось в социальных науках. Исследование становится «приключением», где не только результаты, но и привычные категории анализа должны появляться только как возможный результат действия процессов.

Так как механизмы финансирования и контроля научных исследований требуют предсказуемости исследовательской программы и не предполагают «приключений», здравый смысл требует определения границ расширения группы «респондентов» и более или менее четкого определения того, что может и чего не может дать новый прекрасный мир «говорящих» объектов. Говоря более научным языком, в статье поставлен ряд вопросов, касающихся степени и формы применимости теорий, связанных с материалистическим поворотом, для исследования товарно-вещевых рынков. Эти вопросы касаются онтологической базы новых теорий, непосредственно связанного с нею расширения проблемного поля, эпистемологического статуса основных категорий и возможности конкретизации теоретического инструментария на сибирском (российском) материале.

Товарно-вещевые рынки в перспективе культурной биографии вещей

Повышенное внимание к дееспособности объектов и к формирующему новые социальные связи наплыву объектных миров дает возможность по-новому взглянуть на социоматериальные аспекты товарно-вещевых рынков. Исследователи рынков были

заняты структурой взаимодействия продавцов и покупателей, их внимание было направлено именно на укрытые социальные смыслы взаимодействия. Дееспособность (*agency*) товаров, рыночных пространств и логистических цепочек во многом оставалась в тени экономического процесса продажи. Неизбежная в принятой онтологической перспективе связь финансового и социального измерений маргинализировала не только материальные компоненты базара, но и их важную роль в воспроизводстве базарных моделей жизни.

Пионерами материалистического поворота были антропологи, заинтересованные культурными биографиями объектов и их влиянием на жизнь сообществ. Ключевое влияние на развитие этого направления оказали И. Копытофф и А. Аппадураи[1]. Особенное влияние на это направление оказали идеи К. Маркса («товарный фетишизм»), Г. Зиммеля («логика вещей») и Марселя Мосса («дар»)[2]. Первоначально внимание исследователей было обращено на социальный аспект вещей, распространяя их экономический смысл на культурный контекст их существования. Применяя по аналогии биографический метод к вещам, исследователи выделили три фазы биографического цикла вещей: появление, функционирование и исчезновение[3]. Постулируя, что вещи, как и люди, имеют социальную жизнь, Аппадураи, опираясь на идеи Зиммеля и Маркса, предложил исследовать товарность как стадию в биографии, потенциал и контекст каждой вещи[4]. Ключевую роль в анализе играли мобильность вещей (например, импорт), их способность перемещения из одной культуры в другую и культурные эффекты этого перемещения. Несмотря на попытки повернуть вещи к обществу (в отличие от позднейших попыток повернуть общество к вещам), мы можем наблюдать об-

---

[1] Appadurai A. Introduction: Commodities and the politics of value // The Social Life of things. Commodities in Cultural Perspective / ed. A. Appadurai. N. Y. : Cambridge University Press, 1996. P. 3–63; Kopytoff Y. The cultural biography of things: commoditization as a process // The Social Life of things. Commodities in Cultural Perspective / ed. A. Appadurai. N. Y. : Cambridge University Press, 1996. P. 64–91.

[2] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М. : Эксмо, 2011.; Simmel G. Fashion // American Journal of Sociology. 1957. Vol. 62, N 16. P. 541–558; Mauss M. The Gift: Forms and Functions of Exchange in Primitive Societies. London : Routledge & Kegan Paul, 1970; Barter, Exchange and Value: An Anthropological Approach / eds. C. Humphrey, S. Hugh-Jones. Cambridge : Cambridge University Press, 1992; Gregory C. Gifts and Commodities. London : Academic Press, 1982.

[3] Гурова О. Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья [Электронный ресурс] // Неприкоснов. запас. 2004. № 2(34). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/gurov9.html.

[4] Appadurai A. Op. cit.

щий парадокс материалистического поворота: все попытки разговорить вещи приводят к автоматической их антропоморфизации. Через перенос характеристик субъекта на объекты (биография строится на основе вопросов, характеризующих способность к действию, «жизнь» и другие субъектные метафоры) вещи переписываются так, чтобы получить эффект их активного присутствия на первом плане анализа.

В перспективе настоящей статьи поворотной можно считать статью М. Гуггенхэйма Building memory: Architecture, networks and users, где была сделана убедительная попытка включения культурных биографий предметов в более широкую концепцию связи модерности, коллективной памяти и дееспособности объектов[1]. Описывая современность как процесс превращения всего в объекты с собственными историей и биографией, Гуггенхэйм создал возможность нового прочтения изменений в биографиях объектов и людей в условиях резкой смены модели модернизации[2]. Ее основная ценность состоит в возможности применения эпистемической модели рынка, не теряя при этом исторической и пространственной перспективы конкретных кейсов. Именно пространственная конкретизация исторического подхода дает возможность избежать ловушек вневременных и универсальных подходов, не всегда адекватных для выбранных эмпирических случаев.

Описывая пространства современных городов, исследователи все чаще используют понятия текучести, прозрачности и проходимости. Следует заметить, что имплицитно понимаемая нормативность опыта западных мегаполисов во многом навязывает контекст универсальности текучей современности. Для большинства жителей БРИКС, не говоря уже о менее развитых странах, более адекватным кажется понятие дискретной модерности. Ее суть состоит в попытках решить проблемы незавершенной индустриализации постиндустриальными методами, лишенными всеохватывающего эффекта и способности тотальной мобилизации. Эта гибридная ситуация порождает и амбивалентную роль государства – оно продолжает быть главным инициатором развития, отказываясь при этом от ответственности за открытый доступ к современным моделям жизни и социальной безопасности.

---

[1] Guggenheim M. Building memory: Architecture, networks and users // Memory Studies. 2009. N 2 (39). P. 39–53.

[2] Peshkov I. Usable Past for a Transbaikalian Borderline Town. 'Disarmament' of Memory and Geographical Imagination in Priargunsk // Inner Asia. 2014. N 16. P. 96.

В этой перспективе современные города полупериферии пересечены границами современности и упадка, определяющими не только социальные стратификации, но и примиряющими их жителей с окончанием тотального модерна. В случаях России и Китая к этому добавляются проблемы постсоциалистического постиндустриализма, когда уходящая инфраструктура предыдущей модели модернизации не может обновляться в современных условиях и становится декорациями появляющихся торговых центров и небоскребов. Улучшение обликов городов, непосредственно связанное с развитием двух гигантов БРИКС, не приводит даже к косметическому ремонту социалистической инфраструктуры. В этом контексте новые режимы мобилизации эксклюзивны, прежнее разделение «город – деревня» дополняется жестким водоразделом между моделями жизни внутри городов[1] и пригородов[2]. В этой перспективе дискретная современность обозначает прежде всего сознательное воспроизведение ниш отсталости или традиционности в центре городской жизни. Мигранты, жители неблагоустроенных районов, этносегменты товарно-вещевых рынков не выносятся на окраины, а становятся неотъемлемой частью городской жизни. Полупериферийный город больше не трансформирует отсталость в развитие, но позволяет им сосуществовать и переплетаться.

Роль товарно-вещевых рынков в этой перспективе нельзя рассматривать как уходящий элемент 90-х гг., который скоро исчезнет благодаря развитию более «культурных» форм торговли. Дискретная модель современности не уничтожает отсталость, а воспроизводит ее. Поэтому формы социального и культурного взаимодействия на товарно-вещевых рынках должны быть осмыслены именно как стабильный паттерн регионального развития. Такой взгляд дает возможность представить постсоветский базар как машину переописания биографий объектов и людей в конкретной исторической и пространственной перспективе, не потеряв специфику места и времени и сохраняя теоретическую перспективу дееспособности материальных объектов. На смену описанному Кэролайн Хамфри внутреннему космополитизму со-

---

[1] Ярким примером могут быть города Индии, сочетающие модели жизни многомилионного населения бедных районов с суперсовременными моделями жизни «нормальных» горожан.

[2] Григоричев К. В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск : Оттиск, 2013. 248 с.

ветских вещей[1] приходит глобальный космополитизм продуктов китайских индустриальных баз.

Переописание идет через вторичную кодировку не только вещей, но и их проводников. Суть этой кодировки – в этноракурсах, обеспечивающих воспроизведение покупателем ситуации узнавания. При этом этницизируется не только вещь и проводник (продавец), но и место (китайский, азербайджанский, киргизский рынок или сегмент рынка). Выделенный фрагмент становится этническим именно как продолжение кодифировки вещей. Вещи кодируют не только проводников и место продажи, но и их будущих владельцев, наделяя их статусом низкобюджетного покупателя независимо от реального качества вещей. В этом плане базар амбивалентен: резко понижая статус проводника покупки в глазах покупателя, он понижает и статус покупателя как в глазах продавца, так и общества.

В общественном дискурсе мигранты с базара не называются предпринимателями, приехавшими отдать свои деньги и время развитию региона. Независимо от реального оборота, они прежде всего – проводники малопрестижного потребления, не связанные в глазах принимающего общества с глобальным экономическим обменом. При всем семантическом богатстве категории «мигрант»[2] можно предположить, что в этом случае мы имеем дело прежде всего с результатом вытеснения товаром продавца – бесправный мигрант становится элементом процесса малопрестижной покупки. Сами покупатели тоже не рассматриваются обществом как рациональные потребители, не желающие переплачивать в магазинах за товар сравнимого качества. Высокие потребительские ожидания российского общества создают перспективу одинаковой жизненной неустроенности продавцов и покупателей на товарно-вещевых рынках. В этом смысле рынок, кроме выполнения экономических функций, является мощнейшим производителем социальных границ в городских сообществах Восточной Сибири.

---

[1] Humphrey C. Cosmopolitanism and kosmopolitizm in the political life of Soviet citizens // Focaal: European Journal of Anthropology. 2004. N 44. P. 138–154.

[2] Ловушки и ангажированность мигрантской оптики убедительно представлены в статье С. Н. Абашина. (Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция : практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнограф. обозрение. 2012. № 4. С. 3–13).

Товарно-вещевые рынки в перспективе акторно-сетевой теории (ANT)

Наиболее известной и влиятельной частью материалистического поворота является акторно-сетевая теория, влияние которой на новые гуманитарные направления трудно переоценить. Особенно это касается работ Бруно Латура, ставшего символом новых гуманитарных направлений и в какой-то степени «брендом» материалистического сдвига. Ценой популярности стало неизбежное упрощение нового метода и не всегда последовательное совмещение разных онтологических перспектив. По известному выражению Бруно Латура, «в названии “акторно-сетевая теория” есть четыре вещи, которые с ней не работают: слово “актор”, слово “сеть”, слово “теория” и дефис»[1]. Несмотря на ярко выраженный юмористический аспект, автор хотел подчеркнуть именно тотальный характер теоретической идеи, меняющей не только методы и проблемные поля, но и онтологические основы восприятия социальной жизни.

Главной идеей Латура и других представителей ANT является попытка «заставить вещи говорить», т. е. такое изменение онтологической базы исследований, при котором сущности типа «рынок», «общество», «экономика», «мигрантское сообщество» не являются данными, но появляются как результат многоуровневых процессов[2]. Исследовательская программа Бруно Латура начиналась с этнографии научной жизни лаборатории, в рамках которой стандартным моделям социологии науки была противопоставлена идея гетерогенности научного знания, в которой цепь одушевленных и неодушевленных элементов несводима к одному порядку и упорядочивается (упрощается) только путем переописания социологом в терминах отношений, техники и индивидуальных стратегий ученых[3]. Перечеркнув социологию науки, Латур перешел к конфронтации со стандартными социологическими моделями, представляя гетерогенность современного мира, где вместо привычного разделения на социальное и материальное были предложены гибридные формы социотехнических сетей[4].

---

[1] Latour B. On Recalling ANT. On-Line Papers [Electronic resource]. 1998. URL: http://www.lancaster.ac.uk/sociology/research/publications/papers/latour-recalling-ant.pdf.

[2] Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford, 2005.

[3] Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5/6. С. 211–242.

[4] Вахштайн В. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории // Социол. обозрение. 2005. Т. 4, № 1. С. 100.

Латур предложил последовательную программу переформулировки социологического знания под углом неочевидности казуальных связей, идею действия и границ между социальным и материальным. Если определяющим фактором элемента цепи является возможность воздействия, а не человеческое сознание и критический минимум культуры, то мы просыпаемся в мире, где бесконечное количество элементов находится в постоянном взаимодействии. С точки зрения методологии объекты переписываются в способ, максимально открывающий их дееспособность. Конечно, при всей романтике и захватывающих возможностях эта перспектива не менее невинна и априорна, чем ее традиционные оппоненты. Объекты не говорят сами по себе ни с Бруно Латуром, ни с другими исследователями. Условием разговора является применение аппарата постструктуралистской семиотики, что дает возможность переноса цепи отношений на предметы и создания иллюзии коммуникации. Именно семиотическое восприятие объекта как результата отношений внутри цепи дает возможность его «услышать». Объекты начинают говорить исключительно в конкретном теоретическом контексте, и только в нем такая коммуникация имеет смысл. В этом смысле инструменты ANT не менее агрессивны по отношению к окружающему миру, чем другие модели гуманитарного знания. Если традиционный исследователь подчинял материальное социальному, то представитель материалистического поворота создает теоретический контекст, в котором материальное вынуждено говорить. Несмотря на это, именно благодаря Латуру и другим представителям ANT произошло революционное расширение как предметного поля, так и инструментария анализа социальной жизни.

Стоит заметить, что с точки зрения исследования рынков (и в общем экономической социологии) более важную роль сыграли Джон Ло и Мишель Каллон, особенно в части пересмотра моделей сетевого анализа. Отталкиваясь от типологии Лейбница, Ло предлагал метод решения конкретных задач при помощи идеи о непосредственной связи между сетью отношений, объектом (как результатом сети) и пространством как порядком размещения объектов. Именно пространственный компонент выделяет работы Ло: если Латур проблематизировал социальное, то Ло подчеркивает несамоочевидность пространств[1]. Используя латуровский термин неизменчивой мобильности, Ло постулирует одновре-

[1] Вахштайн В. Указ. соч. С. 109.

менное нахождение объекта в двух пространствах – семиотическом и картезианском, причем движение в последнем (мобильность) – это результат стабильного положения в сети (неизменчивость)[1]. В этой перспективе работы Латура и Ло, акцентируя динамический характер интеграции социоматериальных элементов (ассоциации), дают возможность нового языка понимания повседневного опыта, особенно его материальной составляющей.

Следующим представителем ANT является Мишель Каллон, несомненно, ключевая фигура для экономической социологии[2]. Вклад Каллона прежде всего касается разработки социологии трансляции (анализ самоорганизации сети, в которой благодаря перформативности научного описания воспроизводятся постоянные связи между акторами)[3]. При таком взгляде экономическое описание не нейтрально, оно создает (постулирует) реальность, деформируя сеть и создавая новые связи между элементами.

Основное правило акторно-сетевого подхода – отказ от априорных моделей социальной жизни. Взгляд через призму социоматериальных цепей дает возможность показать обусловленность и динамизм границы «человек – объект». Тела могут становиться товарами и инструментами, а товары антропоморфизироваться множеством способов[4]. Но самое главное – пока мы не слышим респондентов, наш взгляд ограничен принятой моделью базара. Здесь, конечно, нельзя не задать прагматический вопрос о границах проблемного поля: что, в таком случае, не является объектом анализа товарно-вещевых рынков? Если мы откажемся от проецирования экономических форм взаимодействия, социальных структур и политических механизмов мобилизации, то перед нами открывается бесконечность социотехнических взаимодействий. Что делать с людьми, одеждой, едой, зданиями, телефонными сетями и электронными письмами с родины или других мест по всему миру, непростым соотношением ожиданий покупателей и возможности производственной базы, чиновниками,

---

[1] Law J. On the methods of long distance control: vessels, navigation and the Portuguese rout to India // Power, action and belief: a new sociology of knowledge? / ed. Law J. London : Routledge and Kegan Paul, 1986. P. 234–263.

[2] На сибирском материале идеи Каллона применил британский антрополог Николай Ссорин-Чайков: Ссорин-Чайков Н. Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском колхозе и перформативности различий дара и товара // Экон. социология. 2012. № 2. С. 59–81.

[3] Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay // Power, Action and Belief ... P. 67–83.

[4] Холцленер Т. Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. 2009. № 3. С. 109.

дающими возможность торговать, логистическими цепочками, родственными связями, миграционным законодательством и даже исследователем товарно-вещевых рынков? Конечно, трудно поверить декларациям ANT «разрешить предметам говорить за себя». Специфика новых подходов состоит в максимальном отделении темы исследования от априорных теоретических построений. Именно выбранная тематика и возможный в данных условиях способ контакта с полем будут определять возможности принятия решений об ограничении числа «говорящих» элементов сети. Такой подход может показаться скромным и непропорциональным по отношению к драматизму онтологического переворота, но он дает практическую возможность очистить взгляд исследователя от теоретических наслоений и дать возможность объектам «говорить».

В этой перспективе исследования рынков могут быть представлены как широкое проблемное поле, учитывающее проблематику множественности пространств, гетерогенности социального мира и гибридности современного субъекта. Очень важным является метафорика сетей и потоков, в рамках которой разрушаются границы между социальным и материальным, темпоральным и пространственным.

В исследованиях сибирских и дальневосточных товарно-вещевых рынков большую перспективу имеет идея В. И. Дятлова о конститутивном для местной экономики потоке товаров и услуг из Китая. Товарно-вещевые рынки являются элементом инфраструктуры этого потока, создавая возможности для трудовой миграции и включая менее богатую часть населения в глобальный процесс потребления китайских товаров.

В случае Восточной Сибири мы имеем дело с двумя потоками товаров – из северовосточного (через Забайкальск и Монголию) и западного (через Бишкек) Китая, соединение которых делает Иркутск конкурентным логистическим центром даже для жителей регионов, расположенных ближе к границе. Поток товаров, проходя через китайский, монгольский или киргизский фильтры, рассеивается по сегментам, наполняя рынки практически однотипной продукцией северной и западной промышленных баз Китая. Какой смысл расщепления потока китайских товаров на десятки монгольских, среднеазиатских и китайских пространств перекодировки? Пространство рынка концентрирует и рассеивает вещи, и в этой роли оно является рамкой для контакта с потоком и одновременно производным от его возможностей.

Потоки используют рынки для распределения риска на сотни продавцов, способных создавать бесконечное количество культурных контекстов и трансформировать банальный акт продажи однотипного товара китайского индустриального комплекса в охоту за низкими ценами и встречу с экзотикой. С точки зрения сети базар – это черный ящик, сводящий разнообразие форм торговли с потоком денег от потребителей. Не исключено, что путь к новому описанию базара идет через его вычеркивание, через его превращение в самый важный элемент потока товаров и услуг при одной фокусировке и несущественный при другой. Поток может быть представлен как энергия, позволяющая воспроизводить экономическую активность рынка, а рынок – как место временной локализации потока и его экспансии на микроуровне. В этом контексте исследование рынков не может отрываться от пространственного контекста.

Товарно-вещевые рынки в перспективе объектного сдвига (object shift) в экономической социологии

Объектный сдвиг в экономической социологии во многом был реакцией на односторонность идей индивидуализированной и порывающей со структурами (*disembedding*) личности. Вместо этого постулировались трансформация межчеловеческих связей в постсоциальные формы и непосредственно с этим связанное ключевое влияние объектно-центрированной среды на индивидуальную личность. Как писали Карин Кнорр-Цетина и Урс Брюггер в статье «Рынок как объект привязанности: исследования постсоциальных отношений на финансовых рынках»: «мы полагаем, что десоциализирующие силы и события современных переходных обществ следует пытаться анализировать с позиций постсоциальной модели социальности. Согласно этой модели, в отношениях, предполагающих элементы риска (а таковыми, по мнению многих авторов, является большинство нынешних человеческих отношений), именно объекты получают преимущества. А объектные отношения рассматриваются как категория, составляющая все более мощную конкуренцию человеческим отношениям. Одна из отличительных особенностей современной жизни состоит в том, что, пожалуй, впервые в истории (по крайней мере, в новейшей) встает вопрос о том, действительно ли другие люди являются наиболее интересным объектом окружающей

среды – тем, на который люди тоньше и охотнее всего реагируют и которому они уделяют наибольшее внимание»[1].

Анализ объектных миров был проведен по отношению к коммуникационным технологиям, финансовым рынкам, объектам потребления и дееспособности природы[2]. Следует отметить, что эта группа текстов несколько дистанцируется от ANT, выстраивая собственные модели независимо от предложений теоретиков акторно-сетевого анализа. Ее отличают более скромные онтологические предложения: объектность видится здесь как фаза развития современного общества, а не следствие освобождения от власти дюркгеймовской дихотомии между социальным и материальным. Несмотря на это, в рамках объектного сдвига был сделан ряд предложений методологического характера, в корне меняющих наше представление о социальных связях. Например, заимствованное из естественных наук описание объекта как «саморазворачивающейся структуры, не тождественной самой себе» дает возможность представить объектные ориентации как постсоциальную форму связи. В отличие от семиотической ориентации ANT, представители объектного сдвига больше внимания уделяют межчеловеческим отношениям, заимствуя идеи символического интеракционизма (Э. Гоффмана) и межсубъектности (А. Шюца).

Отличительной чертой материалистического поворота является попытка проблематизации целого ряда связей между материальным и социальным, между респондентом и исследователем, между макро- и микрокатегориями анализа. Для исследований товарно-вещевых рынков очень важна теза об эпистемическом характере рынков как незавершенных конструктов знания. В этой перспективе рынок является не только объективным социальным феноменом, но прежде всего сложным многоуровневым пространством обучения, однозначное определение которого невозможно. Это приводит к появлению респондентов нового типа, голоса которых уже не дисциплинируются, а становятся проводниками в неоднозначный мир экономического опыта. Попытка документального описания приводит к очень осторожному от-

---

[1] Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследования постсоциальных отношений на финансовых рынках // Анализ рынков в современной экономической социологии / ред.: В. В. Радаев, М. С. Добрякова. М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 281.

[2] Abolafia M. Y. Making Markets: Opportunism and Restraint on Wall Street. Cambridge MA : Harvard University Press, 1996; Heim M. The Metaphysics of Virtual Reality. Oxford: Oxford University Press, 1993; Sheldrake R. The Rebirth of Nature. London : Reader, 1991; Turkle S. Life of the Screen. N. Y. : Simon and Schuster, 1995; White H. Where Do Markets Come from? // American Journal of Sociology. 1981. Vol. 87. P. 517–547.

ношению к речевым практикам респондентов. Теперь они уже не подтверждают заданную теоретическую или концептуальную матрицу, а показывают исследователю «свой» мир, прочтение которого становится возможным благодаря императивам неочевидности и проблематизации.

Карин Кнорр-Цетина и Урс Брюггер приводят интервью с трейдером:

«Кнорр-Цетина: Что такое для вас рынок – ценовое действие, конкретные участники рынка или что-то другое?

Респондент: Все.

К.-Ц.: Все? Информация?

Р.: Все. Абсолютно все. Как вон тот человек что-то выкрикивает, как он возбужден, кто продает, кто покупает, где какой центр, что делают центральные банки, что делают крупные фонды, что пишет пресса, что показывается на центральном дисплее, что говорит премьер-министр Малайзии – это все, что нас окружает»[1].

Далее трейдер называет рынок «высшим существом» («иногда у него появляются конкретные очертания, а иногда все рассыпается, становится произвольным, случайным, не имеющим направления и единой основы»). Представленный пример убедительно показывает глубину методологического поворота: вместо перевода болтовни респондента на понятный язык «неполной информированности экономического субъекта»[2] исследователь пытается понять и зафиксировать все расширения и сужения спектра описания рынка практиком биржевого обмена. Естественно, такое взаимопонимание возможно благодаря расширению теоретической базы за счет мягких и открытых моделей, порывающих с априорными экономическими схемами. Но несмотря на это, возможности прочтения рассказа об экономической ситуации респондента значительно возрастают, а его роль в процессе производства знания активизируется. Следует заметить, что несмотря на декларации объектной ориентации, эти идеи очень близки новым направлениям анализа личных нарративов, которые на базе других теоретических построений приходят к выводу об условности границ между групповым и индивидуальным и глубокой взаимозависимости личных и общественных представлений о жизни общества[3]. В этой перспективе последователи ма-

---

[1] Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Указ. соч. С. 291.

[2] Kowalski T. Proces formułowania oczekiwań a teoria cyklu wyborczego Implikację dla polityki gospodarczej. Wydawnictwo AE w Poznaniu, Poznań, 2001. P. 240 .

[3] Maynes M. J., Pierce J. L., Laslett B. Telling Stories. The use of Personal Narratives in the Social Science and History. Ithaca ; London : Cornell University Press, 2008. P. 141.

териалистического поворота не теряют разделения на материальное и социальное. Они применяют разные риторические стратегии к субъектам и объектам, позволяющие дать возможность предметам говорить, а людям – не потерять высказанное в переводе на язык концептуального описания.

С точки зрения исследований товарно-вещевых рынков особенное внимание следует обратить на открытые когнитивные модели описания социальных феноменов (как, например, эпистемическая модель рынка), дающие возможность многопланового анализа и более серьезного отношения к взглядам и опыту респондентов. Подобные вопросы очень редко ставятся на российском материале, мы практически ничего не знаем, как видят участники продажи свои обыденные практики, их точки отсчета, методы прогнозирования и набор инструментов определения ситуации на рынке. Следует заметить, что в случае теории объектного сдвига речь идет не об атеоретическом описании, а только об использовании радикально отличного теоретического инструментария, позволяющего с максимальным вниманием отнестись к речевым практикам респондентов.

Материалистический поворот. Инструкция по применению

Если мы представим мир, в котором люди, предметы, социальные конструкты и коммуникационные технологии имеют подобный потенциальный вес, то исследования товарно-вещевых рынков становятся приключением, результат которого трудно предсказать. Что окажется более важным элементом: антимиграционные статьи в газете, этнические предрассудки милиционера, телепередача, создавшая «таджиков» (а с ними всех «среднеазиатов») как виртуальный *underclass* российского общества, налоговая политика по отношению к городу Маньчжурия, техническая инфраструктура рынка или сибирский климат? Пробуждение в этом новом мире несет, с одной стороны, радостную уверенность новизны, с другой – заставляет переосмыслить базовые категории типа «респондент», «коммуникация» или «дееспособность». Если вместо жесткого разделения на говорящих субъектов, структуризированных в социальные конструкты, и молчащее материальное окружение мы применяем идею потенциального равенства элементов сети, то неизбежно появляется вопрос о статусе новой модели коммуникации.

Представленные выше идеи радикального пересмотра онтологической базы социологических и антропологических исследований объединяет попытка создать контекст, в котором объекты смогут обрести не только дееспособность, но и возможность «голоса». Это достигается при помощи серии риторических приемов и теоретических установок, резко меняющих концепцию речевого акта респондента и вообще саму идею коммуникации в поле. Несмотря на декларации «быть ближе к реальному миру», «не выходить из поля повседневного опыта», «увидеть мир таким, какой он есть», следует заметить, что существует пропасть между очевидным наблюдением о ключевой роли объектов в жизни современного субъекта и репрезентациями активной коммуникативной роли объектов. Можно предположить, что голос материальному дают, с одной стороны, семиотические идеи об объекте как отношении внутри сети, с другой – риторический ракурс переописания объекта как действующего актанта. В этой перспективе исследователь конструирует сети, в рамках которых возможно прочитать действие объекта как целенаправленное, семантически нагруженное и коммуникативное.

Несмотря на постулируемую близость с повседневным опытом, эта операция достаточно далека от непосредственного описания. Вычищая протоколы исследований от социальных конструкций для чистого описания и непосредственной речи одушевленных респондентов, последователи материалистического поворота, тем не менее, не покидают поля теории. Но вместе с тем новая теоретическая база более эластична и открыта, незаконченна и неопределенна. В этой перспективе новое проблемное поле становится полем возможности расширения респондентов в бесконечность. Ценой этого решения будет прежде всего отказ от привычных цепочек производства знания. «Общество», «группа», «экономика» могут появиться в конце исследования, хотя полной гарантии никто не дает. Именно этот аспект может быть интересен для исследований восточных товарно-вещевых рынков, зажатых между перспективой трудной адаптации мигрантов и их восприятием принимающим обществом. Сила нового метода – в проблематизации и сомнениях по отношению ко всем, казалось бы, твердым социальным категориям. В этом свете новые подходы могут сыграть роль катализатора абсолютно новых описаний товарно-вещевых рынков, открывающих не только новые формы базарности, но и новые способы действия конкретного рынка как сложного переплетения различных элементов.

Заключение

Исследования рынков рано или поздно столкнутся с вызовом подходов, направленных на проблематизацию границы между социальным и материальным. Это отчасти уже происходит в исследованиях индийских и латиноамериканских рынков, где широко применяются понятия дееспособности объектов, социоматериальной сети и культурных биографий вещей. Целью статьи была попытка упорядочивания теоретического материала под углом возможности его применения в конкретных географических и исторических условиях. Основным выводом является достаточно большая амплитуда в онтологических установках, что, скорее всего, ограничит применение наиболее радикальных онтологических предложений. Несмотря на это, часть постулатов материалистического поворота заслуживает пристального внимания и может быть полезной в исследованиях российских рынков. Среди них можно выделить следующие. Прежде всего это императив переосмысления объекто-ориентированности современного субъекта и его очевидная зависимость от материального окружения. В этой перспективе новые подходы дают возможность более полного отражения повседневного опыта исследователя. Кроме этого, предлагается пересмотр отношения к речевым практикам респондентом: их «непоследовательность» и «неопределенность» не обязательно требуют авторитарного перевода на язык теории, а могут отражать природу открытых и незаконченных социальных феноменов. Следует также обратить внимание на пространственное измерение исследования: как физическое пространство рынка определяет возможности происходящего на нем и как, в свою очередь, оно определено политикой городских властей, потоком товаров и возможностями потребителей. В этой перспективе задачей исследователя является не столько «заставить вещи говорить», сколько уметь увидеть сложную реальность рынка за своими концептуальными привычками и принятыми методами опроса респондентов.